

П.И. Рысакова, А.А. Арсаева

Интернационализация высшего образования в КНР в постпандемийный период: концепции, задачи, механизм реализации

Аннотация: Интернационализация высшего образования выступает стратегической задачей китайского руководства на протяжении последних десятилетий после 1978 г. В постпандемийный период изменившиеся политические, экономические и культурные реалии современного мира стимулируют поиск новых адекватных подходов. Сегодня Китай избирает стратегию «внутренней интернационализации», нацеленную на повышение качества высшего образования, предлагаемого китайскими вузами, через сотрудничество с зарубежными университетами. В статье представлен анализ концепции «внутренней интернационализации». На примерах китайско-иностранный сотрудничества в сфере высшего образования описаны задачи и механизмы реализации программы интернационализации. Особое внимание уделено рассмотрению актуального состояния российско-китайского взаимодействия в области высшего образования.

Ключевые слова: внутренняя интернационализация, высшее образование, Россия, Китай, совместный китайско-иностранный университет.

Авторы: Рысакова Полина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID ID: 0000-0002-4774-7238; E-mail: p.rysakova@spbu.ru; Арсаева Алия Александровна, программный директор обучающего центра China Professionals. E-mail: info@chinaprofessionals.ru

Р-И. 雷萨科娃, А-А. 阿尔萨耶娃

后疫情时期中国高等教育的国际化：理念、任务、实施机制

摘要: 高等教育国际化是中国领导人自 1978 年起数十年来一贯的战略目标。在后疫情时期，现代世界政治、经济和文化现实的变化激发了对新的适当方法的探索。如今，中国正在推行“在地国际化”战略，旨在通过与外国大学合作提高中国大学提供的高等教育质量。本文对“在地国际化”的概念进行了分析。以高等教育领域中外合作为例，阐述了实施国际化的任务和机制。本文还特别关注了高等教育领域俄中互动的现状。

关键词: 在地国际化；高等教育；俄罗斯；中国；中外合作大学

作者: 波林娜·伊戈列夫娜·雷萨科娃，社会学副博士，副教授，圣彼得堡国立大学。ORCID ID: 0000-0002-4774-7238; E-mail: p.rysakova@spbu.ru; 阿利娅·亚历山大德罗夫娜·阿尔萨耶娃，“China Professionals”培训中心项目总监。E-mail: info@chinaprofessionals.ru

Polina I. Rysakova
Aliya A. Arsaeva

Internationalization of higher education in China in the post-pandemic period: concepts, goals and implementation

Abstract: The internationalization of higher education has been a strategic priority for the Chinese government over the past few decades since 1978. In the post-pandemic period, the changing political, economic, and cultural realities of the contemporary world stimulate the search for new adequate approaches. Today, China is adopting an “internal internationalization” strategy aimed at enhancing the quality of higher education offered by Chinese universities through cooperation with foreign institutions. This article offers an analysis of the concept of “internal internationalization”. The goals and mechanisms of implementing the internationalization program are analyzed via examples of China’s collaboration with foreign institutions in higher education. Special attention is paid to the current state of Russian-Chinese cooperation in the field of higher education.

Keywords: Internationalization at Home, higher education, Russia, China, joint Chinese-foreign university.

Authors: *Rysakova Polina I.*, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, St. Petersburg State University. ORCID ID: 0000-0002-4774-7238; E-mail: p.rysakova@spbu.ru; *Arsaeva Aliya A.*, Program Director, Educational center China Professionals. E-mail: info@chinaprofessionals.ru

Введение

Интернационализация высшего и профессионального образования – одна из принципиальных задач, которую китайское руководство последовательно реализует на протяжении последних сорока лет после старта политики реформ и открытости. Важную особенность китайского курса интернационализации составляет ведущая роль государства, которое и задает стратегическое видение ее целей в зависимости от приоритетов внутреннего курса и особенностей внешнеполитического контекста.

На современном этапе, согласно программе «Модернизация китайского образования к 2035 г.» (中国教育现代化 2035) (2019), акцент делается на повышении качества образования [Zhonggong Zhongyang...].

Данная стратегическая цель определяет также и задачи интернационализации. Она рассматривается прежде всего как инструмент повышения качества образования внутри страны, создания научно-технической базы для приоритетных отраслей экономики, усиления потенциала государства в гуманитарной сфере как активного субъекта «дискурсивной силы».

Сегодня специфика интернационализации китайского образования заключается в непросто́м внешнеполитическом контексте, который вовсе не способствует активи-

зации международного академического и научного взаимодействия: длительная изоляция во время пандемии COVID-19 и лишь постепенное восстановление контактов, нарастание напряженности в отношениях с западными странами и внутри Азиатского региона. В связи с этим принципиальный интерес представляет вопрос, какие именно стратегии интернационализации выдвигает Китай для достижения своих целей в области образования, в частности, в развитии образовательного взаимодействия с другими странами.

Сотрудничество между Россией и Китаем в сфере высшего образования традиционно составляет значимый аспект в отношениях между нашими странами и наделяется «стратегическим» значением. Безусловно, интенсивному развитию образовательного диалога в немалой степени способствует высокий уровень политических отношений, который зачастую характеризуют как «беспрецедентный». Так, во время пандемии весной 2022 г. российские студенты были среди немногих, кому китайская сторона открыла въезд для продолжения учебы, фактически сохраняя запрет для многих других стран, например Индии. Изменившаяся геополитическая реальность создает дополнительные стимулы для расширения сотрудничества между вузами России и Китая.

Исследования интернационализации высшего образования в Китае преимущественно сосредоточены на таких темах, как студенческая и преподавательская мобильность, вопросы маркетизации и приватизации образования, внедрение английского языка как инструмента обучения. В последние годы все чаще предпринимаются попытки определить китайскую специфику процесса интернационализации образования. К этой теме обращаются китаезычные авторы. Так, Жуй Ян, исследователь из Китайского университета Гонконга, анализирует культурно-идеологические дилеммы, которые возникают в ходе интернационализации. Западные страны выступают одновременно источником заимствований и идейно-политическим соперником, сотрудничество с которым необходимо, но отягощено историческим опытом и чревато утратой образовательного суверенитета. Достаточно ярко подобная двойственность проявляется и в области межвузовского партнерства, в частности, в «размытом» юридическом статусе совместных образовательных программ и возможных резких изменениях регуляторной политики со стороны китайского государства [Rui, Yang, 2016].

Подчеркнем, что именно различные формы образовательной кооперации, такие как совместные образовательные программы и учебные подразделения, совместные самостоятельные университеты выступают сегодня востребованным объектом изучения, который все еще ожидает своего многоаспектного рассмотрения. Как отмечает классик исследований интернационализации образования Дж. Найт, совместные университеты представляют собой новую форму трансграничных перемещений образовательных объектов и услуг, преимущества которых еще стоит отдельно анализировать [Knight, Jane, Simpson, Diane, 2022, p.460].

Российские авторы обращаются к вопросу совместных образовательных программ на примере российско-китайского взаимодействия в сфере высшего образования [Гурулева, Бедарева, 2019; Ефремова, 2017; Медяник, 2018; Шендерова, 2016]. Здесь стоит

отдельно отметить исследование Т.Л. Гурулевой, посвященное подробному анализу российско-китайских образовательных программ накануне пандемии COVID-19. Среди проблем, затруднявших реализацию совместных программ, ученый называет неразработанность нормативно-правовой базы, сложности аккредитации, трудности с визовой поддержкой студентов [Гурулева, 2018].

Приоритетное развитие контактов между российскими вузами и их партнерами в северо-восточных провинциях Китая также нашло отражение в работах Гурулевой Т.Л., Айзенберг И.Р. и соавторов. Исследователи подчеркивают положительное значение такой кооперации как стимула социально-экономического развития трансграничного региона [Айзенберг И.Р., Складенко С.А., Кульбятская, 2022; Резник, Гурулева, 2009].

Последние исследования фокусируют внимание на конкретных примерах российско-китайского образовательного сотрудничества, как например, университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Вместе с тем остается ряд вопросов, которые нуждаются в дальнейшей разработке. Прежде всего, необходимо обратить внимание на более широкий контекст реализации совместных образовательных программ, а именно эволюцию образовательной политики Китая. Актуальные стратегии интернационализации высшего образования, которые предлагает сейчас КНР, учитывают специфику международной обстановки постпандемийного периода. Углубленный анализ современных тенденций позволит, на наш взгляд, более объемно представить позиции России в образовательном пространстве современного Китая и наметить эффективные шаги для углубления двустороннего партнерства. В силу этого обстоятельства наше дальнейшее изложение охватывает три взаимосвязанных вопроса: перспективы интернационализации на современном этапе, специфику китайской стратегии интернационализации в постпандемийный период, а также характерные черты российско-китайских совместных образовательных проектов.

Интернационализация высшего образования: реинтерпретация понятия

Начиная с 1990-х годов интернационализация выступает одной из ведущих тенденций в сфере высшего образования, затрагивая как организационные, так и содержательные аспекты учебного процесса. Студенческая и академическая мобильность, совместные образовательные программы, включение мультикультурной перспективы в преподаваемые дисциплины – все это привычные реалии высшей школы сегодня, маркирующие эволюцию образовательного пространства на региональном и глобальном уровнях.

Характерно, что за истекшие десятилетия процессы интернационализации подверглись весьма значительной переоценке в общественном и академическом дискурсе. Изначальные оптимистические ожидания сотрудничества и открытости сменились к 2010-м годам на более сдержанные оценки. В условиях глобализации и доминирования либерального рынка сфера образования все больше подчиняется экономической логике, превращаясь в вид услуги, доступной на коммерческих основаниях.

Не ослабевает образовательное неравенство между странами. Академические модели западного мира продвигаются в качестве универсальных, ставя под вопрос сохранение культурного разнообразия. Международные обмены обретают элитарный характер, охватывая лишь малую часть учебных заведений и вовлекая только избранных студентов [Найт, 2013].

Критическое восприятие реалий высшего образования побудило теоретиков и практиков образования вновь обратиться к вопросу о том, что именно следует считать интернационализацией образования. Исходной точкой рассуждений послужило определение интернационализации, выдвинутое канадской исследовательницей Джейн Найт еще в 1990-е годы и не утратившее актуальности до настоящего времени. Согласно Найт, это «процесс встраивания международного, межкультурного и глобального измерений в цели, задачи и потребности высшего образования» [Найт, 2013, с. 71; Deardorff, de Wit, Leask, Harvey, 2022, p. 54].

К середине 2010-х годов академическое сообщество признало, что вместо достижения идеалов сотрудничества и единения интернационализация превратилась в средство экономической и политической конкуренции между национальными государствами. Она служит усилению экономического потенциала государства, используется для наращивания «мягкой силы» и формирования положительного имиджа страны на международной сцене [Найт, де Вит, 2018]. Практика интернационализации высшего образования выявила приоритет формальных и организационных аспектов, таких как показатели студенческой и преподавательской мобильности, количество совместных образовательных программ, успех зарубежных кампусов национальных университетов, позиции учебных заведений в мировых рейтингах.

Значительный отход образовательных практик национальных государств от исходных ценностей интернационализации послужил поводом для признания ее «заката». В 2011 г. вышла в свет статья с провокативным названием «Конец интернационализации» авторства Ханса де Вита и Уве Бранденбурга, видных исследователей современного образования [Brandenburg, de Wit, 2011]. Констатируя кризис актуальной модели интернационализации, они призвали воспринимать ее не как самостоятельную цель, выраженную в количественных показателях мобильности и рейтингов, но прежде всего как средство повышения качества образования. Тем самым они открыли пространство для развернувшейся более чем на десятилетие дискуссии о долгосрочных целях и практике интернационализации [Johnstone, 2023].

Одним из наиболее плодотворных направлений этой дискуссии стало дальнейшее уточнение понятия интернационализация за счет дифференциации так называемой «внутренней» и «внешней» интернационализации. Внешняя интернационализация (cross-border internationalization) отсылает к уже привычным практикам актуальной академической миграции и пересечения границ для образовательных продуктов.

Идея внутренней интернационализации (internationalization at home) впервые была выдвинута также в 1990-е годы, однако оказалась наиболее востребованной именно в 2010-х годах на волне рефлексии о перспективах развития международного образования. Ее закрепившееся определение ввели Й. Беелен и Э. Джонс, согласно которым это «целенаправленная интеграция международных и межкультурных состав-

ляющих в формальную и неформальную учебную программу для всех студентов, обучающихся в вузе» [Beelen, Jones, 2015, p. 69; Де Вит, 2019].

Данное определение делает акцент на продуманной и целенаправленной интернационализации учебного плана, инклюзивном характере такой интернационализации, который охватывает всех учащихся, а также доступности межкультурного опыта в привычной среде без необходимости выезжать за рубеж. Ключевая роль в этом случае отводится преподавательскому составу, который способен привнести глобальную перспективу в преподаваемые дисциплины.

Весьма симптоматично, что после всплеска интереса в 2010-е годы концепция «внутренней интернационализации» вновь получила активное обсуждение в начале 2020-х годов. Причем китайязычные авторы оказались одними из лидеров этой дискуссии [Hudzik, 2020; Li Jian, Xue Eryong, 2023; Liu Jin; Gao Yuan, 2022]. Очевидной причиной тому послужила пандемия COVID-19, во время которой реальные образовательные обмены фактически приостановились. Отметим еще и роль технологического фактора, а именно сложение цифрового медиапространства, создавшего недоступные прежде возможности для получения мультикультурного опыта без физического пересечения национальных границ. Здесь следует говорить не только о различных формах дистанционного образования в онлайн-формате. Новые цифровые медиа позволяют также получить опыт виртуальных стажировок при выполнении заданий онлайн для компаний из разных частей мира [Ogden, Streitwieser; Mol, 2020].

Наконец, укреплению идеи интернационализации без реальных физических перемещений способствует и специфический международный контекст последних лет: изоляционизм, нарастание взаимного недоверия и конкуренции между странами, нестабильная обстановка в разных частях мира. Ориентация на внутренние процессы и некоторый изоляционизм следует рассматривать как ответ национальных государств на внешнюю турбулентность. Внутренняя интернационализация как нельзя лучше отвечает новым геополитическим реалиям.

Предпринятый краткий разбор понятия интернационализации и актуальных тенденций в сфере международного образования позволяет непосредственно обратиться к анализу китайского опыта интернационализации и, в частности, создания совместных образовательных проектов с иностранными вузами.

Интернационализация по-китайски: «обучаться за рубежом, не покидая дома»

На современном этапе интернационализация высшего образования в Китае стартовала после 1978 г. с началом курса реформ и открытости. Современные китайские авторы выделяют несколько этапов интернационализации в зависимости от приоритетных задач и механизма их достижения. На первом этапе 1980–1990-х годов основной акцент был сделан на стимулирование студенческой и преподавательской мобильности, а именно реализации программ массового обучения за рубежом, прежде всего в США. Начиная с 1990-х годов приоритетное развитие получило международное научное сотрудничество. После 2000-х годов развернулась активная адаптация опыта зарубеж-

ных вузов благодаря практике совместных образовательных программ. Уже после 2010-х годов на повестку дня вышла задача экспорта китайского образования и продвижения «мягкой силы» через образовательные проекты [Zheng, Karoor, 2021].

За прошедшие десятилетия стране удалось превратиться в одного из ключевых игроков на рынке глобального образования. Китай на протяжении многих лет оказывается лидером по количеству студентов, обучающихся за рубежом. Так, даже в 2022 г., на фоне не полностью восстановившейся академической мобильности, китайские студенты составляли около 30% от числа всех международных учащихся в США [Are China's outbound...].

Вместе с тем за последние годы Китай приложил эффективные усилия по привлечению иностранных студентов в собственные вузы, заняв третье место в мире в рейтинге популярных направлений для студенческой мобильности. Наиболее прочные позиции он занимает как региональный образовательный центр в Азии, притягивая студентов из Южной Кореи, Таиланда, Индии, Пакистана [Skinner, 2019]. При этом Китай упрочил свой образовательный и научный статус и на мировом уровне. Семь университетов КНР входят в первую сотню вузов в мировом рейтинге Times Higher Education, что делает ее лидером в Азии по количеству топ-университетов [World University Rankings 2024].

Анализируя накопленный Китаем опыт интернационализации высшего образования, исследователи выделяют следующие его специфические черты. Прежде всего отмечается, что цели и задачи интернационализации китайского высшего образования оказываются включенными в контекст конкурентных отношений с внешним, преимущественно западным, миром. Китай выступает в роли отстающего, который вынужден проводить «догоняющую» интернационализацию с тем, чтобы занять достойное место среди лидеров мирового образования. При этом западные университеты воспринимаются и как источник заимствований для повышения качества образования, и как потенциальные конкуренты в мировых рейтингах.

В то же время интернационализация тесным образом вписана в государственные стратегии упрочения экономического, политического и культурного статуса Китая на мировой арене. Характерно, что в 1990–2000-е годы на первый план вышли задачи экономической модернизации в рамках курса «наука и образование возродят государство». Государство стимулировало высшие учебные заведения устанавливать сотрудничество с зарубежными партнерами, но преимущественно по тем отраслям знания, которые считались критично важными для развития китайской экономики.

После 2010-х гг. усилилось политическое значение интернационализации высшего образования. Китай стремился не только заимствовать (引进来) инокультурный опыт. Он также начал активно продвигать собственную политическую и культурную повестку, экспортируя образование в рамках стратегии «выхода вовне» (走出去), в частности через открывавшиеся повсеместно институты Конфуция как центры изучения китайского языка и культуры, а также школы профессионального обучения «мастерские Лу Баня» [Tin Yau Joe Lo, Pan Suyan, 2021; Xu Xin, 2023].

Новое десятилетие 2020-х годов ознаменовано мировой пандемией COVID-19. В качестве профилактической меры Китай избрал стратегию длительной изоляции от

внешнего мира. Сопутствующей причиной для такой обращенности внутрь послужила также напряженная внешнеполитическая обстановка и обострившееся соперничество между Китаем и западными странами, в частности США.

Практическое ограничение академической мобильности, активизация практик онлайн-обучения послужили поводом для тщательного анализа опыта интернационализации высшего образования в Китае и выбора новых стратегий, адекватных изменившимся политическим и экономическим реалиям. Характерно, что в этот период в Китае так же, как и в других странах, начинается активное обсуждение концепции «внутренней интернационализации».

По мнению китайских специалистов, в ситуации значительного ограничения физических перемещений «внутренняя интернационализация» может послужить действенной стратегией, которая позволит достичь основных целей модернизации образования: повышения качества образования и подготовки кадров, отвечающих требованиям современной технологичной экономики. Эффективной реализации этой стратегии содействует тот факт, что в Китае уже сложились необходимые условия, которые могут обеспечить успешную «внутреннюю интернационализацию»: повсеместное преподавание английского языка, разработанная технологическая база для онлайн-обучения, накопленный опыт международного сотрудничества с зарубежными вузами и реализация совместных образовательных программ, востребованность Китая как центра академической и научной мобильности [Guo Feng, 2023].

Наконец, стратегия «внутренней интернационализации» созвучна приоритетным задачам внутривнутриполитического курса китайского руководства начала 2020-х годов. В отличие от модели «внешней интернационализации» с физическим пересечением границ, доступным для ограниченного числа студентов, внутренняя стратегия нацелена на вовлечение максимального числа учащихся за счет ресурсов самого университета и создания «интернациональной среды» в кампусе. Такой антиэлитарный подход отвечает нынешнему внутривнутриполитическому курсу Си Цзиньпина в рамках концепции «всеобщего процветания». Кроме этого, создание «интернациональной среды» в кампусах китайских вузов задумано для снижения рисков «утечки мозгов», миграции студентов за рубеж для учебы и возможной будущей работы. Наконец, активное привлечение зарубежных партнеров для создания совместных учебных программ и новых учебных заведений рассматривается как эффективная стратегия устойчивого развития китайского высшего образования, которая позволит повысить качество обучения и подготовить кадры международного уровня [Guo Feng, 2023; Li Jian, Xue Eryong, 2023].

Отмеченные выше особенности китайского опыта интернационализации прослеживаются и в сфере создания совместных образовательных программ с привлечением иностранных партнеров, к анализу которого мы обратимся ниже.

Китайско-иностраные образовательные программы

На современном этапе интенсивное сотрудничество китайских вузов с зарубежными партнерами началось в конце 1980-х годов. В 1990-е годы связи между китай-

скими и зарубежными вузами активно развивались, уже требуя соответствующего регулирования. В 1995 г. Государственный комитет по образованию (中华人民共和国国家教育委员会) разработал «Временные правила совместных китайско-иностранных проектов в области образования» (中外合作办学暂行规定), которые стимулировали создание совместных программ в области профессионального образования [Zhongwai hezuo banxue zanxing guiding].

Большое значение для открытия китайского образовательного рынка имело вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. Тогда же Госсовет утвердил нормативные документы, регулирующие взаимодействие китайских высших учебных заведений с их партнерами в сфере высшего образования. Начиная с 2000-х годов деятельность совместных учебных проектов определяется «Положением о китайско-иностранных совместных образовательных учреждениях» (中华人民共和国中外合作办学条例) (2003) и «Мерами по реализации Положения о китайско-иностранном сотрудничестве в сфере образования» (中外合作办学条例实施办法) (2004) [Zhonghua renmin gongheguo zhongwai hezuo banxue tiaoli, Zhongwai hezuo banxue tiaoli shishi banfa].

Согласно законодательству, совместные образовательные проекты могут открываться в партнерстве с ведущими мировыми университетами по остроактуальным и востребованным, с точки зрения Китая, специальностям. При этом основной контингент учащихся должны составлять китайские студенты. Учебные планы и критерии зачисления утверждаются китайской стороной [Zhongwai hezuo banxue tiaoli shishi banfa].

В прошедшие десятилетия международное сотрудничество китайских вузов развивалось значительными темпами. Однако если в 2000–2010-е годы совместные программы активно создавались и регистрировались, то в конце 2010-х годов темпы сотрудничества заметно снизились, а число новых проектов росло не так значительно. Так, по заявлению Министерства образования КНР, в 2013 г. прошли регистрацию 1979 китайско-иностранных образовательных проектов, включая программы двойного диплома и совместные институты [Quanguo zhongwai...]. К 2020 г. их число несколько возросло, до 2332, и с тех пор остается практически неизменным [China has over 2,000...].

После наступления 2010-х годов в планах китайских вузов произошел заметный сдвиг: они стали фокусироваться не на расширении масштабов партнерства, а на его качественном улучшении. Уже запущенные проекты подверглись проверкам на качество обучения и соответствие уставным документам. Наиболее значительная из них прошла в 2018 г., по итогам которой Министерство образования приостановило деятельность 234 программ из-за несоответствия качества предлагаемого обучения принятым стандартам. Согласно дальнейшим уточнениям министерства, большинство из этих программ так и не было фактически запущено, и их закрытие имело формальный характер [Jiaoyubu pizhun zhongzhi 234...].

Тем не менее для внешних наблюдателей проведенная проверка послужила поводом отметить изменение государственной политики в отношении совместных программ. Определенная открытость и поощрение сотрудничества сменились на более

тщательное отношение к реальному качеству актуальных образовательных программ, а также ужесточение организационного контроля над ними с китайской стороны [Sharma Yojana, 2018].

В 2019 г. новые приоритеты государственной политики в сфере зарубежного сотрудничества получили закрепление в программном документе Госсовета «Модернизация китайского образования к 2035 г.». В нем акцент был сделан на повышении качества высшего образования в рамках совместных китайско-иностранных программ [Zhonggong Zhongyang...].

Итак, каково актуальное состояние совместных китайско-иностранных образовательных проектов?

В настоящее время сотрудничество между китайскими и иностранными вузами разворачивается на трех уровнях в зависимости от масштаба совместной деятельности. Самая распространенная форма – это совместные образовательные программы уровня бакалавриата и магистратуры. По завершении такой программы присуждается совместный или двойной диплом.

Более крупные проекты предполагают учреждение структурного подразделения на базе китайского вуза-партнера без создания отдельного юридического лица. Зарубежный вуз-партнер участвует в реализации образовательной программы, но в рамках деятельности головного китайского вуза. В 2019 г. таких совместных образовательных подразделений насчитывалось более 120 [Jiaoyu kaifang]. Из них 11 – это российско-китайские совместные учебные заведения [Dui shisan jie].

Наконец, третья, самая сложная форма сотрудничества – это создание совместного университета (中外合作办学大学, International Joint University). По своей организационной форме совместный университет – это не филиал зарубежного вуза, а новое независимое учебное заведение, созданное в принимающей стране как самостоятельное юридическое лицо в результате сотрудничества между принимающим и зарубежными вузами-партнерами. Совместный университет может разрабатывать и предлагать собственные академические программы и квалификации, но также работать по программам совместного или двойного диплома вузов-основателей.

Следует отметить, что совместные университеты – это относительно новая форма международного сотрудничества в сфере образования, которая привлекает внимание исследователей [Распертова, 2019; Шендерова, 2016; Knight, Simpson, 2022]. Первый подобный университет открылся в 2001 г. в Египте при сотрудничестве с германскими университетами. Сейчас в мире насчитывается свыше 20 совместных университетов, причем более половины из них расположены в Азии – Китае, Малайзии, Индонезии, Вьетнаме, Монголии.

Чаще всего такой университет – это результат партнерства между азиатским и западным вузами. Как правило, китайские вузы выбирают в качестве партнера высшее учебное заведение из Западной Европы или США, которое имеет высокие позиции в международных рейтингах и прославилось достижениями в науке по приоритетным для Китая отраслям знания. Примечательно, что образовательные учреждения материковой части страны оформляют таким образом сотрудничество и с вузами Гонконга, что делает Китай лидером по числу совместных университетов в Азии

и мире [Knight, Simpson, 2022, p.454]. В 2023 г. в Китае по неполным данным открыто десять совместных университетов и четыре высшие школы профессионального образования, которые были учреждены при участии вузов США, Великобритании, России, Израиля, Германии и Гонконга (табл.1).

Таблица 1. Совместные самостоятельные китайско-иностранные высшие учебные заведения (2023)

Совместные университеты					
Наименование учебного заведения на англ. (русск.) яз.	Название учебного заведения на кит.яз.	Год основания	Расположение	Наименование китайского вуза-партнера	Наименование вуза-партнера
Chinese University of Hong Kong-Shenzhen	香港中文大学 (深圳)	2014	пров. Гуандун	Shenzhen University	Chinese University of Hong Kong
Duke Kunshan University	昆山杜克大学	2013	пров. Цзянсу	Wuhan University	Duke University США
The Guangdong Technion – Israel Institute of Technology (GTIIT)	广东以色列理工学院	2016	пров. Гуандун	Shantou University	Technion Israel Institute of Technology Израиль
The Hong Kong University of Science and Technology (Guangzhou)	香港科技大学 (广州)	2018	пров. Гуандун	Guangzhou University	The Hong Kong University of Science and Technology
New-York University-Shanghai	上海纽约大学	2011	Шанхай	East China Normal University	New York University США
United International College (UIC)	北京师范大学-香港浸会大学联合国际学院	2005	пров. Гуандун	Beijing Normal University	Hong Kong Baptist University
University of Nottingham Ningbo China	宁波诺丁汉大学	2004	пров. Чжэцзян	Zhejiang Wanli University	University of Nottingham Великобритания
Wenzhou-Kean University	温州肯恩大学	2011	пров. Чжэцзян	Wenzhou University	Kean University США

Совместные университеты					
Xi'an Jiaotong-Liverpool University	西交利物浦大学	2006	пров. Цзянсу	Xi'an Jiaotong University	Liverpool University Великобритания
МГУ-ППИ Шэньчжэнь	深圳北理莫斯科大学	2016	пров. Гуандун	Beijing Institute of Technology	МГУ им. М.В. Ломоносова Россия
Совместные профессиональные институты					
Suzhou Centennial College	苏州百年职业学院	2016	пров. Цзянсу	Suzhou University of Science and Technology	Centennial College Канада
Fuzhou Melbourne Polytechnic	福州墨尔本理工职业学院	2017	пров. Фуцзянь	Minjiang University	Melbourne Polytechnic Австралия
Чжэнчжоуский транспортный профессиональный институт Евразия	郑州铁路职业技术学院	2019	пров. Хэнань	Zhengzhou Railway Vocational & Technical College	Московский государственный университет путей сообщения Россия
Bielefeld University of Applied Sciences-Hainan	海南比勒费尔德应用科学大学	2021	пров. Хайнань		Bielefeld University of Applied Sciences Германия

Источник: оставлено авторами по: [Zhongwai hezuo banxue jianguan gongzuo xinxi pingtai].

Характерной чертой совместных университетов в Китае выступает активное финансовое и организационное соучастие местных правительств. Так, например, одним из соучредителей российско-китайского университета МГУ-ППИ выступило правительство г. Шэньчжэнь, выделившее финансирование и участок для строительства кампуса на льготных условиях [Университет МГУ-ППИ...]. Местные правительства провинций рассматривают создание совместного университета как элемент эффективной социально-экономической политики, позволяющий привлечь учащуюся молодежь и квалифицированную рабочую силу. По этой причине кампусы новых университетов зачастую располагаются в экономически процветающих восточных провинциях, вне привязки к локализации китайского вуза-партнера [Lu, Xiao]. Отметим, что в силу высокой стоимости обучения и ограниченного количества мест в совместных университетах обучается лишь 2% от общего числа всех студентов в стране, около 600 тыс. учащихся [Can academic joint ventures...].

Анализ образовательной деятельности совместных университетов и образовательных программ позволяет обнаружить, что они во многом отвечают требованиям

«внутренней интернационализации», особенности которой мы рассмотрели выше. В постпандемийный период эта тенденция еще больше усилилась. Так, например, еще в 2017 г. эксперты отмечали, что в рамках китайско-британских учебных программ более 80% студентов обучались по модели 4+0 или 3+1, согласно которой студент проводит полных четыре года в родном вузе в Китае либо уезжает на учебу в вуз-партнер лишь на один год [Research on Current UK-China, 2017, p. 41]. Таким образом, для большей части студентов полноценный опыт зарубежного обучения в вузе-партнере оставался малодоступным.

Во время пандемии при невозможности покинуть страну очевидным образом еще большее распространение получила модель 4+0 [Sun Yao, Li Na, Hao Jian Li, Di Sarno Luigi, Wang Lu, 2022]. При этом по рекомендации министерства образования совместные вузы и институты могли самостоятельно скорректировать вступительные требования с тем, чтобы зачислить большее число абитуриентов из тех, кто не мог выехать из страны для учебы. Иными словами, китайско-иностранные вузы рассматривались как вполне равная замена зарубежным университетам.

Следует также добавить, что еще до пандемии 2020 г. многие китайско-иностранные вузы и институты позиционировали себя в качестве «оазиса» западного образования, с которым можно соприкоснуться, не покидая КНР. Обучение на английском языке, интернациональный преподавательский состав, сокурсники из Китая и других стран мира – все это позволяло привлекать абитуриентов, используя слоган «учиться за рубежом, не переступая порога дома» (在家门口留学) [Lai Mei, Jung Jisun, 2023].

Весьма показательно, что в период пандемии и в дальнейшем сходный призыв уже использовался и в нормативных правительственных документах, в частности «Мнениях министерства образования и восьми министерств об ускорении и расширении внешней открытости образования» (教育部等八部门关于加快和扩大新时代教育对外开放的意见) [Jiakuai he kuoda]. Согласно Мнениям, накопленный опыт взаимодействия с иностранными вузами обеспечил Китай необходимыми образовательными ресурсами, что позволяет студентам «учиться за рубежом, не выезжая из страны» (不出国门也能“留学”).

Наконец, на нынешнем этапе, после 2020 г., Китай отчетливым образом углубляет «внутреннюю интернационализацию». Центр сотрудничества с зарубежными вузами сместился на о. Хайнань, где в 2019 г. открылась зона «свободной торговли». Важная роль в проекте отведена Пилотной зоне международных образовательных инноваций в Линшуй-Лиань (海南陵水黎安国际教育创新试验区), учрежденной годом позже. В будущем Лианьская зона должна превратиться в новый центр совместных китайско-иностранных проектов в области высшего и профессионального образования. Согласно «Временным правилам для зарубежных высших учебных заведений по созданию образовательных учреждений в порту свободной торговли Хайнань» (境外高等教育机构在海南自由贸易港办学暂行规定), принципиальная новация в деятельности зоны заключается в том, что китайское правительство впервые разрешило зарубежным учебным заведениям в сфере высшего специального и профессионального образования учреждать филиалы без привлечения партнеров с китай-

ской стороны. Помимо этого, возможность открывать корпоративные учебные заведения могут получить и высокотехнологичные предприятия [Jiaoyubu Hainansheng].

Первопроходцем в реализации этой инициативы выступил Билефельдский университет прикладных наук, в 2022 г. запустивший первый в Китае самостоятельный филиал зарубежного вуза – профессиональный колледж, профилирующийся на инженерных и сельскохозяйственных науках. Помимо Билефельдского колледжа, прием студентов в хайнаньских кампусах также начали более десяти совместных институтов и образовательных программ, открытых китайскими вузами и их зарубежными партнерами. По замыслу китайского центрального и местного руководства, все эти проекты помогут в полной мере превратить Хайнань в «остров международного образования», не покидая который студенты смогут получить опыт интернационального образования (留学海南).

В завершении обзора актуальных тенденций в сфере интернационализации высшего образования в Китае мы проанализируем актуальное состояние российско-китайских совместных образовательных проектов. Это позволит более наглядно оценить позиции России на китайском образовательном рынке и наметить стратегии для будущего взаимодействия.

Для разбора мы привлекли данные о зарегистрированных совместных китайско-иностраннных образовательных программах, институтах и вузах, размещенных на информационной платформе министерства образования КНР «Надзор за китайско-иностраннным сотрудничеством в сфере образования» (中外合作办学监管工作信息平台) [Zhongwai hezuo banxue jianguan]. Для сопоставления мы отобрали сведения, касающиеся не только России, но также США, Великобритании, Австралии, Южной Кореи и Японии (табл. 2). Такой выбор обусловлен тем, что перечисленные англоязычные страны играют значимую роль в интернационализации китайского образования. Они крайне востребованы среди китайских студентов как центры академической мобильности, а также активны в развитии контактов с китайскими вузами. Региональные образовательные центры – Южная Корея и Япония – выбраны нами для сопоставления масштаба кооперации китайских вузов с западными и азиатскими партнерами.

Таблица 2. Страны вузов-партнеров новых образовательных проектов в 2017-2020 гг.

Год	США	Великобритания	Россия	Австралия	Ю. Корея	Япония
2017 (6 мес.)	6	1	2	1	4	-
2018	23	6	3	-	4	-
2019	37	12	6	2	8	-
2020	21	11	12	1	9	-
Итого	87	30	23	4	25	0

Источник: оставлено авторами по: [Zhonghua renmin gongheguo jiaoyubu]. Статистика за 2021–2023 гг. в открытом доступе отсутствует.

На сегодняшний день китайские вузы установили партнерские отношения с образовательными учреждениями из более 30 стран, открыв выше 2 тыс. совместных программ и институтов в сфере профессионального и общего высшего образования [Si Huili, Lim Miguel Antonio, 2023]. Обращает на себя внимание тот факт, что безусловными лидерами здесь выступают вузы англоязычных государств – США, Великобритании, Австралии. Так, с образовательными учреждениями США было создано более 400 программ, британскими и австралийскими – более 300 с каждой из сторон.

Подчеркнем, что активное сотрудничество с американскими вузами не прекратилось и после разворота в китайско-американских отношениях в 2018 г. в сторону конфронтации. Накануне пандемии в 2018–2020 гг. США оставались лидером по числу новых открытых совместных проектов в сфере образования.

На этом фоне позиции континентальной Европы, в частности Германии, выглядят более скромно, так же, как и у азиатских соседей Китая. С Германией открыто около 100 программ, Японией – около 50. С Южной Кореей создано около 250 программ, однако их подавляющая часть связана с профессиональным образованием, а не высшим университетским. Отметим, что Австралия лидирует в развитии программ профессионального обучения, но не общего университетского. В целом, позиции южнокорейских и японских центров в китайском образовательном поле демонстрируют, что Китай уделяет приоритетное внимание заимствованию передовых практик и методов обучения в рамках обменов с ведущими с западными университетами, тогда как азиатские образовательные учреждения по-прежнему не рассматриваются в качестве первоочередных партнеров.

Россию можно назвать одним из значимых игроков на рынке китайского образования. По сведениям, размещенным на информационной платформе министерства образования КНР «Надзор за китайско-иностранным сотрудничеством в сфере образования» (中外合作办学监管工作信息平台), за последнее десятилетие совместными усилиями российских и китайских вузов открылось 31 учебное подразделение высшего и профессионального образования, 113 университетских и 68 профессиональных программ [Zhongwai hezuo banxue jianguan]. Несомненным успехом следует признать открытие самостоятельных учебных заведений – российско-китайского совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне и профессионального транспортного института Евразия в Чжэнчжоу.

Помимо совместных образовательных проектов, все больше российских вузов открывают представительства в ключевых городах КНР, присматриваясь к перспективному рынку образования. Так, еще в допандемийный период, в 2016 г., открылись представительство СПбПУ в Шанхае, в 2019 г. – представительство ДВФУ в Пекине. После вынужденного перерыва 2020–2022 гг. эта практика возобновилась. В 2023 г. в Пекине начало работу представительство университетов Новосибирской области. Университет Иннополис (Республика Татарстан) учредил представительство в Ханчжоу, одном из хабов цифровой инновационной экономики, для продвижения образовательных услуг, импорта и экспорта технологий.

Сегодня Россия также осваивает и Хайнань как новый центр притяжения международных проектов. Так, в 2023 г. планируется строительство кампуса Университета

НИУ «МЭИ»-Хайнань [НИУ «МЭИ» строит в Китае...]. Эти значительные достижения позволяют включить Россию в пятерку стран, наряду с США, Великобританией, Израилем и Германией, которые смогли реализовать наиболее сложные проекты в междоуниверситетском образовательном сотрудничестве.

Вместе с тем следует отметить и ряд особенностей российско-китайского образовательного сотрудничества, если не ограничиваться вузами Москвы и Санкт-Петербурга. Специфика российского присутствия в сфере китайского высшего образования заключается в преимущественном развитии связей с северными провинциями страны. Если брать общую картину, ключевые партнеры российских вузов по созданию совместных программ – это университеты северо-восточных провинций Хэйлунцзян, Цзилинь. На них приходится более 50% всех созданных проектов.

Гораздо слабее налажены такого рода контакты с университетами экономически более развитой юго-восточной части страны, а также с вузами городов центрального подчинения. Это обстоятельство влечет за собой и другую особенность в продвижении российского образования в Китае. Среди китайских вузов-партнеров преобладают университеты регионального значения, которые не включены в утвержденный китайским правительством список из 140 университетов мирового уровня (双一流大学, Double Top University). Из более чем 150 высших учебных заведений, сотрудничающих с российскими вузами, лишь 4 университета входят в вышеупомянутый список мировых вузов. И здесь, помимо совместного проекта МГУ-ППИ следует упомянуть программы магистратуры с двойным дипломом МГИМО и Университета мирового бизнеса и экономики (г. Пекин), МАИ и Шанхайского университета транспорта, ЮФУ и Хэнаньского университета.

Для сравнения, американские и британские вузы преимущественно сотрудничают с университетами из городов центрального подчинения, южного и восточного Китая, из которых 30 имеют статус университетов мирового уровня (табл. 3).

Таблица 3. Распределение совместных образовательных программ и институтов по регионам Китая (2023)

	США	Великобритания	Россия	Австралия	Южн. Корея	Япония
Города центрального подчинения	76	39	7	26	9	6
Север и Северо-Восток	52	34	69	27	32	2
Восточный Китай	101	73	27	33	31	7
Центрально-Южный Китай	87	90	24	26	17	
Юго-Западный Китай	26	19	2	4	2	
Северо-Западный Китай	10	10	3	4		

	США	Великобритания	Россия	Австралия	Южн. Корея	Япония
Итого	352	265	132	120	91	15
Из них приостановлено по состоянию на 2023 г.	21	20	10	2		

Источник: оставлено авторами по: [Zhongwai hezuo banxue jianguan gongzuo xinxi pingtai].

Перечень наиболее востребованных специальностей также отражает особенности экономических и культурных связей между Россией и Китаем – это транспортная отрасль, инженерно-строительные дисциплины, химия, энергетика, медицина. Традиционно популярными остаются художественное и музыкальное образование. Напротив, американские, британские и австралийские вузы сотрудничают по направлениям менеджмент, маркетинг, финансы, информационные технологии.

Наконец, специфика позиционирования даже крупных российско-китайских совместных проектов состоит в приоритетном региональном, а не глобальном фокусе деятельности. Так, университет МГУ-ППИ заявляет своей миссией подготовку «молодых специалистов, необходимых для реализации экономических проектов двух стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [Университет МГУ-ППИ]. Ориентация на региональный рынок труда для будущих выпускников позволяет университету вводить русский язык, наряду с китайским и английским, в качестве инструмента преподавания. Отметим, что в других совместных китайско-иностранных университетах преподавание ведется на английском и китайском языках.

Характерно, что открытые российско-китайские программы и институты также становятся центрами подготовки кадров для работы в России и странах СНГ. Значительное внимание в них уделяется преподаванию русского языка. При этом он изучается по модели «иностранный язык плюс», что означает одновременную языковую подготовку и овладение профильной специальностью. Основная задача таких образовательных программ и учебных заведений – подготовка не кадров русистов или переводчиков, а профильных специалистов со знанием русского языка [Zhang Guangzheng, 2015]. Такое целевое позиционирование, с одной стороны, отвечает интересам обеих стран в подготовке востребованных специалистов, с другой – потенциально сужает возможности для привлечения новых абитуриентов.

Многие образовательные программы открываются с подачи китайской стороны и ориентированы в основном на обучение китайских студентов в России или в Китае при участии российских партнеров. Совместные программы для российских и китайских студентов по модели 2+2, которые могут вывести сотрудничество на новый уровень, пока находятся в меньшинстве. Серьезной задачей остается поиск решений для подготовки профильных профессионалов с китайским языком для российского рынка труда.

Выводы

Реалии современного мира стимулируют поиск новых адекватных стратегий, в том числе и в сфере образовательного диалога. Своеобразным ответом на возросшую внешнеполитическую турбулентность послужила китайская концепция «внутренней интернационализации», которая делает акцент на возможном обретении межкультурного опыта внутри привычной образовательной среды без обязательных пространственных перемещений.

Характерно, что подобная весьма парадоксальная идея получила теплый прием у китайских теоретиков и практиков интернационализации образования. На наш взгляд, одной из причин тому выступает изначальная цель интернационализации китайского высшего образования – развитие внутренних ресурсов через открытость внешнему миру. Создание «интернациональной среды» внутри Китая, повышение качества университетского образования, укрепление технологической базы и удержание амбициозной молодежи для работы внутри страны – такие задачи решает китайское руководство, стимулируя ведущие вузы к партнерству с зарубежными учебными заведениями. В настоящий постпандемийный период «внутренняя интернационализация» дополнительно усиливается новой установкой на определенную закрытость и обращенность внутрь, которая прослеживается в политическом и экономическом курсе китайского руководства.

Несмотря на возросшую политическую и экономическую конфронтацию с Западом, Пекин сохраняет прагматичный подход в сфере образования. КНР не только развивает приоритетные отношения с США и Великобританией, открывая новые образовательные программы, но и создает дополнительные условия для углубления такого сотрудничества, разрешая открывать филиалы иностранных вузов без посредника с китайской стороны. Однако подчеркнем, что активное взаимодействие с зарубежными вузами разворачивается в тех предметных областях, которые важны для развития науки и построения наукоемких отраслей экономики, не затрагивая идеологически чувствительную социально-гуманитарную сферу.

Сходный прагматичный подход китайского руководства можно обнаружить и в российско-китайском образовательном сотрудничестве. Россия – один из значимых партнеров Китая по образовательному диалогу. По количеству созданных совместных образовательных программ и учебных заведений она занимает уверенные позиции, уступая лишь ярким лидерам – США и Великобритании. Однако специфика позиционирования российского образования заключается в приоритетном развитии отношений с вузами северо-восточного Китая, с которыми ее традиционно связывают тесные приграничные контакты. Во многом здесь чувствуется многолетняя инерция, которая, безусловно, должна быть преодолена на нынешнем этапе.

Позиции российского высшего образования в Китае можно было бы усилить за счет продвижения комплекса специальностей, которые имеют отношение к приоритетным отраслям экономики, подкрепляющим технологическую базу Китая. Однако при реализации любых совместных образовательных программ стоит иметь в виду, что КНР решает прежде всего задачу повышения качества собственного вузовского

образования и подготовки необходимых кадров для себя. Решается ли задача подготовки требуемых кадров для российской экономики – этот вопрос нуждается в проработке в ходе сложного процесса согласования интересов. Последнее лишний раз подчеркивает необходимость подготовки отечественных менеджеров в сфере экспорта образовательных услуг, а также усиления научно-аналитической работы на этом важном для российско-китайского партнерства направлении.

Библиографический список

Айзенберг И.Р., Скляренко С.А., Кульбятская С.С. Перспективы развития модели китайско-российской межуниверситетской кооперации в провинции Хэйлунцзян // Современная научная мысль. 2022. № 4. С. 298–302.

Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 108–123.

Гурулева Т.Л. Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации // Высшее образование в России. 2018. № 12. С. 93–103.

Де Вит Х. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования (пер. с англ.) // Вопросы образования. 2019. №2. С. 8–34.

Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 4. С. 857–865.

Медяник Е.И. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 1 (11). С. 68–85.

Найт Дж. Развитие интернационализации: новые подходы и непредвиденные последствия. Императивы интернационализации / Отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева. М.: Логос, 2013. 420 с.

Найт Дж., де Вит Х. Интернационализация высшего образования: прошлое и будущее. Международное высшее образование. 2018. № 95. С. 6–7.

НИУ «МЭИ» строит в Китае новый энергетический университет. 03.04.2023. URL: <https://mpei.ru/news/Pages/newsItem.aspx?newsID=3513> (дата обращения: 01.11.2023).

Распергова С.Ю. О некоторых аспектах интернационализации образовательного сотрудничества России и Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 4 (833). С. 146–158.

Резник Ю.Н., Гурулева Т.Л. Формирование международного поликультурного образовательного региона Сибири, Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая // Вестник ЗабГУ. 2009. № 6. С. 85–92.

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Учредители. Миссия. URL: <https://szmsubit.ru/o-nas/> (дата обращения: 01.11.2023).

Шендерова С.В. Новый формат интернационализации: совместные университеты // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6 (106). С. 78–93.

References

Aizenberg, I.R., Sklyarenko, S.A., Kulbyatskaya, S.S. (2022). Perspektivy razvitiya modeli kitaysko-rossiyskoy mezhuniversitetskoy kooperatsii v provintsii Heilongjiang [Prospects for the development of a model of Chinese-Russian interuniversity cooperation in Heilongjiang Province]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought], No 4. Pp. 298–302. (In Russian).

De Wit, Hans (2019). Evolyutsiya mirovykh kontseptsiy, tendentsiy i vyzovov v internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya (per. s angl.) [Evolution of world concepts, trends and challenges in the internationalization of higher education (translated from English)]. *Voprosy obrazovaniya*. [Educational Issues], No. 2. Pp. 8-34. (In Russian).

Efremova, L.I. (2017). O rossijsko-kitajskom sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya [On Russian-Chinese cooperation in the field of education]. Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of RUDN University. Series: International relations], No. 4. Pp. 857–865. (In Russian).

Guruleva, T.L. (2018). Sovstnyye obrazovatel'nyye programmy Rossii i Kitaya: sostoyaniye i problemy realizatsii [Joint educational programs of Russia and China: status and problems of implementation]. Vyssheye obrazovaniye v Rossii [Higher education in Russia], No 12. Pp. 93–103. (In Russian).

Guruleva, T.L., Bedareva, N.I. (2019). Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v oblasti sozdaniya setevykh universitetov i sovmestnykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Cooperation between Russia and China in the field of creating network universities and joint educational institutions]. Vyssheye obrazovaniye v Rossii [Higher education in Russia], No 4. Pp. 108–123. (In Russian).

Knight, J. (2013). Razvitiye internatsionalizatsii: novyye podkhody i nepredvidennyye posledstviya [Evolving Internationalization: New Approaches and Unintended Consequences]. Imperativy internatsionalizatsii [Imperatives of internationalization], ed. by M.V. Larionova, O.V. Perfileyeva]. Moscow: Logos. (In Russian).

Knight, Jane; de Wit, Hans (2018). Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya: proshloye i budushcheye [Internationalization of higher education: past and future]. Mezhdunarodnoye vyssheye obrazovaniye [International Higher Education], No 95. Pp. 6–7. (In Russian).

Medyanik, E.I. (2018). O rossijsko-kitayskom sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya [Interaction between Russia and China in the field of training bachelors and masters]. Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. History. International relationships], No 1 (11). Pp. 68–85. (In Russian).

NIU “MEI” stroit v Kitaye novyy energeticheskiy universitet [National Research University “MPEI” is building a new energy university in China]. April 03, 2023. URL: <https://mpei.ru/news/Pages/newsItem.aspx?newsID=3513> (accessed: 01.11.2023). (In Russian).

Raspertova, S.Yu. (2019). O nekotorykh aspektakh internatsionalizatsii obrazovatel'nogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya [On some aspects of the internationalization of educational cooperation between Russia and China]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences], No 4 (833). Pp.146–158. (In Russian).

Reznik, Yu.N., Guruleva, T.L. (2009). Formirovaniye mezhdunarodnogo polikul'turnogo obrazovatel'nogo regiona Sibiri, Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostochnykh provintsiy Kitaya [Formation of an international multicultural educational region of Siberia, the Russian Far East and the North-Eastern provinces of China]. Vestnik ZabGU [Bulletin of ZabSU], No 6. Pp. 85–92. (In Russian).

Shenderova, S.V. (2016). Novyy format internatsionalizatsii: sovmestnyye universitety [New format of internationalization: joint universities]. Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz [University management: practice and analysis], No 6 (106). Pp. 78–93. (In Russian).

Universitet MGU-PPI v Shen'chzhene. Uchrediteli. Missiya [MSU-PPI University in Shenzhen. Founders. Mission]. URL: <https://szmsubit.ru/o-nas/> (accessed: 01.11.2023). (In Russian).

* * *

Are China's outbound student flows about to peak? June 15, 2022. URL: <https://monitor.icef.com/2022/06/are-chinas-outbound-student-flows-about-to-peak/> (accessed: 01.11.2023).

Beelen, Jos; Jones, Elspeth (2015). Redefining Internationalization at Home. In: Curaj, A.; Matei, L.; Pricopie, R.; Salmi, J.; Scott, P. (eds) The European Higher Education Area. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20877-0_5.

Brandenburg, Uwe; de Wit, Hans (2011). The End of Internationalization. International Higher Education, No 62, Winter. Pp. 15–17.

Can academic joint ventures between China and the West survive? The Economist. July 20, 2023. URL: <https://www.economist.com/china/2023/07/20/can-academic-joint-ventures-between-china-and-the-west-survive> (accessed: 01.11.2023).

China has over 2,000 international joint-venture schools. December 20, 2020. URL: http://en.moe.gov.cn/news/media_highlights/202012/t20201222_507006.html (accessed: 01.11.2023).

Deardorff, Darla K.; de Wit, Hans; Leask, Betty; Harvey, Charles (2022). *The Handbook of International Higher Education*. Stylus Publishing.

Dui shisan jie quanguo renda erci huiyi di 8695 hao jianyi de daifu 对十三届全国人大二次会议第 8695 号建议的答复 [Reply to Recommendation No. 8695 of the Second Session of the

Thirteenth National People's Congress]. September 27, 2019. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_gjs/201910/t20191028_405552.html. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Guo, Feng (2023). Internationalization at Home: A Sustainable Model for Chinese Higher Education in the Post-pandemic Era. *Journal of Education and Learning*, Vol. 12, No 3.

Hudzik, John K. (2020). Post-COVID Higher Education Internationalization. *Trends & Insights*, September.

Jiakuai he kuoda xinshidai jiaoyu duiwai kaifang 加快和扩大新时代教育对外开放 [Accelerate and expand the opening up of education in the new era]. June 23, 2020. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202006/t20200623_467784.html (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Jiaoyu kaifang liuxuesheng cheng “Zhongguo mingpian” 教育开放 留学生成“中国名片” [Open education, overseas students become “China’s business card”]. October 27, 2020. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202010/t20201027_496773.html (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Jiaoyubu Hainansheng renmin zhengfu guanyu yinfa “Jingwai gaodeng jiaoyu jigou zai Hainan ziyou maoyi gang banxue zanzheng guiding” de tongzhi 教育部 海南省人民政府关于印发《境外高等教育机构在海南自由贸易港办学暂行规定》的通知 [Notice of the Ministry of Education and the People's Government of Hainan Province on the issuance of the “Interim Regulations for Overseas Higher Education Institutions to Run Schools in Hainan Free Trade Port”. April 23, 2023. URL: http://www.moe.gov.cn/srsite/A02/s5913/s5933/202304/t20230421_1056647.html. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Jiaoyubu pizhun zhongzhi 234 ge benke yishang zhongwai hezuo banxue jigou he xiangmu 教育部批准终止 234 个本科以上中外合作办学机构和项目 [The Ministry of Education approved the termination of 234 Sino-foreign cooperative education institutions and projects for undergraduates and above]. July 04, 2018. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-07/04/content_5303515.htm (accessed: 01.11.2023). (In Chinese). July 01, 2023. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20230628103436107> (accessed: 01.11.2023).

Knight, Jane; Simpson, Diane (2022). *The Growth of International Joint Universities around the World*. In: Deardorff, Darla K.; de Wit, Hans; Leask, Betty; Harvey, Charles (2022). *The Handbook of International Higher Education*. Stylus Publishing.

Lai, Mei; Jung, Jisun (2023). Master’s programmes at Sino-foreign cooperative universities in China: An analysis of the neoliberal practices. *Higher Education Quarterly*. <https://doi.org/10.1111/hequ.12456>

Li, Jian; Xue, Eryong (2021). New directions towards internationalization of higher education in China during post-COVID 19: A systematic literature review, *Educational Philosophy and Theory*, DOI: 10.1080/00131857.2021.1941866

Li, Jian; Xue, Eryong (2023). Exploring the epistemology of internationalization at home: A scoping review approach, *Educational Philosophy and Theory*, Vol. 55, No 3. Pp. 356–365 DOI: 10.1080/00131857.2021.2022473,

Liu, Jin; Gao, Yuan (2022). Higher education internationalisation at the crossroads: effects of the coronavirus pandemic. *Tertiary Education and Management*, Vol. 28. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.1007/s11233-021-09082-4>,

Lu, Xiao (2018). Transnational Education: Sino-Foreign Cooperative Universities in China. August 14, 2018. URL: <https://wenr.wes.org/2018/08/sino-foreign-cooperative-universities>. (accessed: 01.11.2023).

Ogden, Anthony C.; Streitwieser, Bernhard; Mol, Christof Van (2020). How COVID-19 could accelerate opportunities for IHE. *University World News*. April 04, 2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200403133447141> (accessed: 01.11.2023).

Quanguo zhongwai hezuo banxue jigou he xiangmu da 1979 ge 全国中外合作办学机构和项目达 1979 个 [There are 1,979 Sino-foreign cooperative educational institutions and projects nationwide]. September 06, 2013. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201309/t20130906_157024.html (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Research on Current UK-China Transnational Education: From the Perspective of Administrators and Students. A Report drafted by the British Council and the China Education Association for International Exchange, August 2017.

Rui, Yang (2016). Internationalization of higher education in China. An Overview. In: Guo, S.; Guo, Y. (eds.). (01 Jan. 2016). *Spotlight on China*. Leiden, The Netherlands: Brill, Vol. 2, *Chinese Education in the Globalized World*.

Sharma, Yojana (2018). Ministry ends hundreds of Sino-foreign HE partnerships. July 06, 2018. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180706154106269> (accessed: 01.11.2023).

Si, Huili; Lim, Miguel Antonio (2023). Neo-tributary geopolitics in transnational higher education (TNHE): a regional analysis of Sino-foreign higher education partnerships, *Globalisation, Societies and Education*, Vol. 21, No 2, 266–277. DOI: 10.1080/14767724.2022.2040354

Skinner, Makala. How China Shapes Global Mobility Trends. April 09, 2019. URL: <https://wenr.wes.org/2019/04/how-china-shapes-global-mobility-trends> (accessed: 01.11.2023).

Sun Yao; Li, Na; Hao, Jian Li; Di Sarno, Luigi, Wang, Lu (2022). Post-COVID-19 Development of Transnational Education in China: Challenges and Opportunities. *Education Sciences*, Vol. 12, No 6. P. 416. <https://doi.org/10.3390/educsci12060416>

Tin, Yau Joe Lo; Pan, Suyan (2021). The internationalisation of China's higher education: soft power with 'Chinese characteristics', *Comparative Education*, Vol. 57, No 2. Pp. 227–246. DOI: 10.1080/03050068.2020.1812235.

World University Rankings 2024. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking#/length/100/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats. (accessed: 01.11.2023).

Xu, Xin (2023). Towards a Chinese definition of higher education internationalisation? A systematic review of the Chinese and English literature, *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, Vol. 44, No 3. Pp. 364–388. DOI: 10.1080/01596306.2023.2200075

Zhang, Guangzheng 张光政 (2015). Heilongjiangdaxue“zhuanye+eyu”jiaoxue moshi chujian chengxiao 黑龙江大学“专业+俄语”教学模式初见成效 [Heilongjiang University's “Professional + Russian” teaching model has achieved initial results]. May 14, 2015. URL: <http://edu.people.com.cn/n/2015/0514/c1053-27001578.html>. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zheng, Jie; Kapoor, Dip (2021). State formation and higher education (HE) policy: An analytical review of policy shifts and the internationalization of higher education (IHE) in China between 1949 and 2019. *Higher Education*, Vol. 81, No 2. Pp. 179–195. <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00517-2>

Zhonggong Zhongyang, Guowuyuan yinfa “Zhongguo jiaoyu xiandaihua 2035” 中共中央、国务院印发《中国教育现代化 2035》[The Central Committee of the CCP and the State Council issued “China Education Modernization 2035”]. February 23, 2019. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo jiaoyubu. 中华人民共和国教育部 [Ministry of Education PRC] URL: <http://www.moe.gov.cn/> (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo zhongwai hezuo banxue tiaoli 中华人民共和国中外合作办学条例 [Regulations of the People's Republic of China on Sino-Foreign Cooperative Education]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyxzfg/202204/t20220422_620494.html. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhongwai hezuo banxue jianguan gongzuo xinxi pingtai 中外合作办学监管工作信息平台 [Sino-foreign cooperative education supervision information platform]. URL: <https://www.crs.sjjs.edu.cn/> (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhongwai hezuo banxue tiaoli shishi banfa 中外合作办学条例实施办法 [Measures for the Implementation of the Regulations on Sino-Foreign Cooperative Education] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%A4%96%E5%90%88%E4%BD%9C%E5%8A%9E%E5%AD%A6%E6%9D%A1%E4%BE%8B%E5%AE%9E%E6%96%BD%E5%8A%9E%E6%B3%95/4085343> (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhongwai hezuo banxue zanxing guiding 中外合作办学暂行规定 [Interim Provisions on Sino-Foreign Cooperation in Running Schools] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%A4%96%E5%90%88%E4%BD%9C%E5%8A%9E%E5%AD%A6%E6%9A%82%E8%A1%8C%E8%A7%84%E5%AE%9A/50272282>. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 01.11.2023. Received: 1 November 2023.

Принята к публикации: 12.12.2023. Accepted: 12 December 2023.